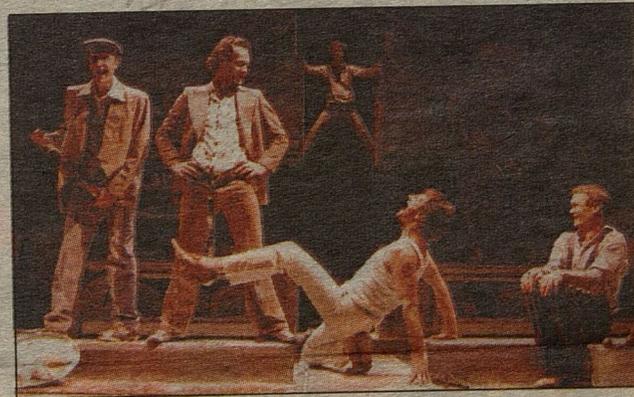

Невыносимая легкость суицида

Светлана НАБОРЩИКОВА

Почитатели современного танца получили ударную дозу любимого продукта. На сцене «Театра Луны» завершились спектакли ежегодного фестиваля российских театров танца ЦЕХ-04, а в Театральном центре им. Мейерхольда в рамках форума «Новый европейский театр» (NET) выступил любимец столичных зритель, француз Жозеф Надж.

В прошлой жизни Жозеф Надж был Йозефом Надем, венгром, родившимся в небольшом сербском местечке. Обучение на факультете философии Будапештского университета он совмещал с занятиями в школе изобразительных искусств, занимался восточными единоборствами и мечтал стать художником. Увлечшись театром, переехал в Париж, постигал искусство мимов в студиях Этьена Декруа и Марселя Марсо, брал уроки классического и модерн-танца и выступал на улицах, пока в 1986 году не организовал свою первую труппу. Далее, что называется, покатило. Сегодня Надж возглавляет Национальный хореографический центр в Орлеане, состоит в авангарде европейского современного танца и каждый год приезжает в Москву, где впервые побывал в 2000 году со спектаклем «Полуночники», затем удостоенным «Золотой маски» в номинации «Лучший зарубежный спектакль».

В России Наджа любят чисто русской, всепрощающей и не расуждающей любовью. В плюсы ему вписывается все. И внешность (этакий Пьеро с огромными глазами, грустно взирающий на несовершенство мира), и милая нашему сердцу невхожесть в цеховые рамки (поди, определи, кто он – хореограф, режиссер или художник – создатель оживших полотен с двигающимися, но молчаливыми персонажами?), и, разумеется, трогательное соответствие классической русской ментальности с ее непременным самокопанием, вытаскиванием на свет всевозможных комп-

лексов и публичной чистой потаенных углов сознания. Новое сочинение любимца не обмануло ожиданий. Моноспектакль «Дневник неизвестного», где всех героев играет Надж, также относится к микстовому жанру «физического театра» и посвящен самоубийцам, которых автор лично знал в бытность свою в Будапеште.

Первого изображает висящая на веревке кукла в пальто. Надж со всеми предосторожностями ее срезает, укладывает в гроб-ванну и баюкает, как мать любимое дитя. Второй, гримасничающий монстр в алом плаще, выбрасывается из окна. Третий, меланхолический безумец, бредется топором и покорно кладет голову рядом с воткнутой в столешницу орудием убийства. Антология суицида, рассказанная со сладострастной откровенностью, чередуется с пантомимно-танцевальными рефлексиями от первого лица. В них также главенствует заявленная тема, выраженная на сей раз манипуляциями с канатом, лихорадочным ощупыванием собственного тела и периодическим гроханием оземь. Заглянув в программу, можно обнаружить ее поэтический эквивалент, принадлежащий венгерскому поэту Отто Толнаи: «Прошу тебя: не спасай меня. / Позволь крысе, прилежному бумильщику тоннелей, / Построить дорогу сквозь мой живот, / Позволь волку, / Вцепившемуся в меня, / Шумно жевать мое лицо... Глядя на погибших любимых, / Бог, я прошу тебя: не спасай меня... Я знаю, ты никого не спасаешь. / Но вдруг ты

сделаешь для меня исключение. / Умоляю: не надо».

Суицидальная моносага длится без малого час и заканчивается не потрясенной тишиной, чего следовало ожидать при явном трагизме отображенных событий, а дружными аплодисментами и цветочными подношениями. Надо полагать, что таким образом наша выносливая публика одобряет харизму исполнителя и его чувство формы, собирающее разрозненные картинки в крепкое целое. Имеется и еще одно обстоятельство, отчасти примиряющее с богопротивным экспериментом. Свой продукт Надж упаковывает в очень привлекательную оболочку. Как звуковую (душа отдыхает, вкушая шум дождя, зажигаемые фольклорные ритмы и тонизирующую переключку ударных), так и вещную. Предметный мир, любовно сконструированный бытописателем, сам по себе является произведением искусства и отвлекающим маневром. Все эти ширмочки, шторочки, столики, зеркала, стулья, лампы, ванны, причудливо трансформирующиеся и живущие собственной жизнью, можно бесконечно рассматривать вместе и порознь.

В области сценографии Надж бесспорный профи, чего не скажешь о его навыках в области танца как способа мышления. К чести гостя, он и сам говорит, что хореографом называется по необходимости, поскольку во Франции, очевидно, заботящейся о реноме бабллетной державы, так легче добыть субсидии на спектакль. Нашим ав-

торам, выступавшим параллельно с Наджем на ежегодном фестивале российских театров танца ЦЕХ-04, в общем-то все равно как себя называть. Государственной поддержки этот единственный в стране фестивально-лаборатория никогда не имел, и его проведение с момента основания обеспечивает грант Фонда Форда и энтузиазм команды основателей во главе с Сашей Пепеляевым. Тем не менее участники ЦЕХа именуют себя хореографами, так как хореографией там традиционно считается не столько умение изобретать движения и их комбинации, сколько все, что движется. В этом году движущим оказалось меньше, а качество продукции выше. Отборщики отсеяли заведомо слабые коллективы, ранее приезжавшие не столько себя показать, сколько других посмотреть. Отныне смотрины устраиваются на летних мастер-классах, а зимний фестиваль предназначен для трупп, которые, по словам организаторов, наиболее ярко выражают специфику российского contemporary dance.

Судя по выступлению старожил отечественного contemporary, специфика его заключается в непрерывном варьировании раз и навсегда освоенных тем и форм. В частности, екатеринбургская труппа «Киплинг» и Челябинский театр современного танца давно изучают проблему выживания в условиях постсоветского экстрима, с той разницей, что «киплинги» смешивают танцы с текстом, а челябинцы, как правило, предпочитают

двигаться молча. Их новые композиции, соответственно, «Не Житель» с подзаголовком «Почему рекомендации глянцевого журнала по уходу за собой не прибавляют женщине счастья?» и «Знает ли жизнь английская королева?», ни на йоту не отклонились от генеральной линии.

Остался верен себе и любитель парадоксов Саша Пепеляев, устроивший с театром «Кинетик» «Сеанс одновременной игры». Как всегда, философские и личные ассоциации оказались для него важнее логики сюжета, поэтому опознать некую высшую пьесу, скомбинированную из «Отелло», «Гамлета» и «Ромео и Джульетты», удалось не всем и не сразу. Еще одна мега-тема отечественного танца – борьба полов, прочно занятая екатеринбургской Татьяной Багановой, чуть было не провисла из-за ее не-приезда. Однако под занавес привлекательную нишу все же заняли москвичи Лика Шевченко и Роман Андрейкин, показавшие, возможно, самую впечатляющую композицию фестиваля – острый, динамичный и взрывной «Не сон».

Что откровенно восхитило в ЦЕХ-04, так это полное и безусловное душевное здоровье авторов. Не в пример французскому гостю, они не ворошили дурно пахнущие закоулки подсознания и не намекали на разрешение проблем уходом в мир иной, зато более чем когда-либо, радовались жизни. Если учесть, что современный танец – это не искусство, а мировоззрение, такой подход внушает оптимизм.

Наталья Мухоморова

10.12.04